

других пьяниц свою церковную братью. Это осуждение было как раз в духе того времени, когда по почину Стефана Вонифатьева и его кружка, был поднят вопрос об оздоровлении духовенства, которое в его тогдашнем состоянии не могло и паству свою направлять на путь истинный. Вторая половина XVII в. дала и другой образец сатиры на пьянство монастырское, вышедший из монастырских стен — имеем в виду Калязинскую челобитную.

Выбор нашим автором пародийной формы не был случайным. Эта разновидность сатиры в московской литературе второй половины XVII в. появилась в связи с тем брожением, которое, выдвигая на сцену новые слои населения, обнаруживалось в разных видах критики старых порядков. Оттого-то и «служба кабаку» — эта старшая из известных нам московских пародий — представляет собой типичный образец политической пародии, осмеивающей общественно-политические и бытовые явления непосредственно, а не через направленность на литературный стиль.¹ Действительно, трудно подходить к «службе кабаку», как к литературной пародии. Цель ее автора, конечно, не осмеяние церковного языка вообще или формы церковной службы в частности. Изображение пьяницы теми стилистическими приемами, которые приняты для прославления мученика за веру, — это лишь прием, особенно резко подчеркивающий те стороны пьянства, которые автор осуждает. Выбор контрастирующего приема в данном произведении не случаен. Как «искусство второго отражения», пародия доходит до сознания читателя только в том случае, если пародируемый объект ему хорошо знаком. Для XVII в. форма церковной литературы была именно таким классическим образцом. И грамотный и неграмотный читатель и слушатель в силу всего бытового уклада древней Руси ощущал церковный язык, как привычный. Оттуда он черпал изобразительные приемы, когда брался за перо, ее формулами уснащал свою речь, цитатами из нее привык аргументировать. Поэтому новое применение этого привычного языкового материала должно было, несомненно, произвести надлежащее впечатление. В данном случае избранная автором параллель — мученик за веру, отдающий богатство бедным, и пьяница, нищающий в кабаке, — была очень выразительна и открывала широкую возможность к ее углублению и развитию.

Кажущееся несоответствие между избранным нашим автором способом применения церковной литературы и его духовным званием не должно нас удивлять. Еще с средних веков в Европе нарождается масса латинских церковных пародий, и все они идут из духовной среды, преимуще-

¹ Е. Гальперина. Печать и революция, 1929, кн. 12, стр. 21.